

ЕКАТЕРИНА МАТВЕЕВНА ЧУРКИНА

Екатерина Матвеевна Чуркина, которой в 1927 г. было 88 лет, крестьянка д. Марьино Гора Карпогорского района — дочь известного в свое время сказителя Карповой Горы Матвея Андреевича Ломтева и родная сестра Ивана Матвеевича Ломтева (см. заметку об Иване Александровиче Ломтеве, стр. 584). Жила она в большой семье своего сына. Несмотря на свои годы, работала, пряла на семью и на заказ для других. Еще в 1926 г. жала. Была неграмотна.

В ее репертуаре видное место занимают так называемые скоморошьи старины: «Кострюк», «Ловля филина», «Таракан», которые она исполняла скороговоркой, с большим увлечением, искусно выделяя особо комические места, причем весело хохотала сама. Ее большой юмористический дар в передаче скоморошин особенно бросался в глаза при сопоставлении с характером исполнения ее племянника, Ивана Александровича Ломтева, — преемника того же эпического наследия. Интонационная манера сказывать «Кострюка» у них совершенно одна и та же, но у И. А. интонации сглаженные, скороговорка нивелирует весь тон повествования. Екатерина Матвеевна той же скороговорочной интонацией искусно выделяла, подчеркивала, живописала. Характерно, что раньше, по словам односельчан Чуркиной, «она с крюком ходила шутя на праздниках», т. е. в шутку имитировала своеобразную комическую интермедию в обряде пинежской свадьбы — выход с крюком (о нем см. П. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1877).

Кроме перечисленных произведений, Чуркина знала и пела еще былину про Михайлу (см. № 219) и стих об Алексее (Рукоп. хранил. Сектора Фолькл. ИРЛИ, колл. III).

Все тексты Е. М. Чуркиной отличаются большой полнотой и композиционной стройностью. Свой репертуар она еще в 1927 г. исполняла

613

в родной семье для ребят и на посиделках, когда девушки и женщины собирались для прядения. Сказок не рассказывала.

В обращении это была веселая и словоохотливая старуха, с чем совершенно не гармонировал ее внешний вид: совсем высохшая, костлявая, очень высокая. Она была всегда готова петь и сказывать. Свой репертуар она мне сообщила охотно, несмотря на то, что чувствовала себя в день записи нездоровой.

Записывала я от нее сразу с голоса, иногда останавливая и переспрашивая. Записывать было чрезвычайно трудно, так как Чуркина уже не все выговаривала внятно. Кроме того, она была почти совсем глухая, и когда ее прерывали, она забывала, на чем остановилась, и начинала путать. Но так как она была очень чутка к ритму, то по мере сказывания привыкла делать по моему знаку некоторые остановки.

В семье у Екатерины Матвеевны кое-что переняли ее внуки — взрослая болезненная девушка лет 23, мальчик Андрей 14 лет, усвоившие отдельные отрывки, и, главное, 12-летний Паша (Павел Федорович). Живой, способный мальчик, по словам учителя первый его ученик, он в 1927 г. знал уже и «Кострюка», и «Ловлю филина», и «Таракана», правда еще не совершенно твердо. От бабушки он перенял и манеру исполнения.

Е. М. Чуркина принадлежит к тем сказителям, которые выделяются не творческим переоформлением усвоенного текста (варианты ее, наоборот, с точностью передают тексты учителей), а высоким артистизмом исполнения.

КОСТРЮК

- Годы–то были прежние,
Времена–то были досельные,
Как при нашем при свете цари
При Иване Васильевиче,
5 Да он сдумал жениться
Да во земле во неверные,
На Марьи Темряковне.
У ней много было провожатых–то,
Дваста татаровей,
10 Полтора ста улановей,
Полтретья ста церква–сыновей.
Они все сидят у царя на пиру,
Они все пьют и едят,
Они пиво–то с мёдом пьют,
15 Они хлеб с солью едят,
Они яства кушают,
Они лиха не думают
Да на нашего света царя,
На Ивана Васильевича.
20 Един бóльший шурина царев
Кострюк–Темрюк Темрюкович
Он пиво–то с мёдом не пьёт,
Хлеба–то с солью не ест,
Все таки ествá не кушает,
25 Зелена́ вина в рот не берёт,
Он не лихо ли думает
Да на нашего света царя
На Ивана Васильевича?
Втапоры стольник царев
30 Да Микита Романович,
Да он скоро доправился
Да и бóльшого шурина
Кострюка–Темрюка Темерюковича:

- «Уж ты ой еси, бóльший шурин царев,
35 Кострюк–Темрюк Темерюкович.
Уж ты щё же пива не с мёдом не пьёш,
Хлеба–то с солью не еш,
Зеленá вина в рот не берёш,
Такú яства не кушаеш,
40 Не лихо ли думаеш?».
Как спрогóворит шурин царев,
Кострюк–Темрюк Темерюкович:
«Уж ты ой еси, стольник царев
Никита Романович,
45 Хош я пиво с мёдом не пью,
Хлеба с солью не ем,
Зеленá вина в рот не беру,
Яства не кушаю,
Но лихо не думаю.
50 Ещн столько я думаю:
Тридцать городов перешол,
И тридцать борцёв поборол,
Не мог силушки отведасть,
Не мог молодецкой.
55 Есть ли у вас в каменнóй Москвы
Таковы борци,
С Кострюком поборотися,
С Темрюком поотведати,
Да и силки отведати?».
60 Втапоры стольник царев,
Да Никита Романович,

- Да выходил он на тé сени новые,
Да на тé сени царские,
Да на те государевы.
65 Да на то крыльцо красное,
Да на то крыльцо царское,
Да на то государевоё.
Он вскричал как во всю буйну́ голову,
Чтобы чуть по всей каменнóй Москвы

- 70 Из нижнего конца,
Из крайнего дворца,
Чтобы было два борца.
Были дети Ондреевы,
Ондрея Паужанина,
- 75 Васька маленькой,
Потанюшко хроменькой
О костыль подпираетця,
Ко дворцу подбираетця.
Втапоры стольник царев
- 80 Никита Романович
Наливает он цяшу зеленá вина,
Не велика не мала —
Цяша в полтора ведра.
Подавает Ваське маленькому,
- 85 Принимает Васютка единой рукой
И пьёт за едiнный дух:
«Ну дайте мне ноньче борцов на руку!».
Втапоры стольник царев
Да Никита Романович:
- 90 «Уж ты ой еси, бóльший шурин царев
Кострюк–Темрюк Темерюкович!
У нас у царя хлеб на столе
И борци на дворе».
Он как стал Кострюк–Темрюк Темерюкович,
- 95 Скочил через золот стол,
Через яства сахарные,
Через скамейки дубовые,
Да он многу бояр подломил,
- Дваста татаровей,
100 Полтораста улановей,
Полтретьяста церква–сыновей.
Они все как посыпались,
Они все повалилися,
Они все пошли борбы смотреть,
- 105 Они все пошли молодецкие.

- Они долго сходились,
 Они долго сымалися.
 Васька ма́ленькóй
 Да Потанька хро́менькóй.
- 110 На ножку справился,
 За рубашку сграбился,
 Был Кострюк на́ ногах,
 Поставили на голову.
 Его стыд–от взял,
- 115 Он стыд–от в горсть захватил,
 .....
 Под новые сени пошел,
 Под те́ сени новые,
 Под те́ сени царские,
- 120 Под те сени государевыё.
 Под то крыльцо новое,
 Под то крыльцо царское,
 Под то государевоё.
 Как спрогóворила Марья Темерюковна:
- 125 «Уж ты ой еси, царь–осударь!
 Да на что было рубашка снять,
 Да на что было нага спускать,
 Рубашка снять да обесчестити.
 И под те сени спустить
- 130 И под те сени новые,
 И под те сени царские,
 Под те государевыё».
 Как спрогóворит царь Иван Васильевич:
 «Уж ты ой еси, Марья Темерюковна,
- 135 В Москвы так водитця,
 Кто с кем боретця,
 Обесчестить под новы сени спустить,
 Под те сени новые,
 Под те сени царские,
- 140 Под те государевыё,
 Под то крыльцо новое,

Под то крыльцо царское,
Под то государевое».

[КАК ФИЛИНА ЛОВИЛИ]

- Прикажѹ, сударь хозяин,
Прикажѹ же, господѹн,
Из-за лавки стать,
Поскакать, поплясать,
5 Да прошиньце сказать
Про Ловрентья старика,
Про Ефрема мужыка.
Да Борисович Иван
Поутру ранѹ встовал,
10 Утру свету дожидал,
Он зорѹ не просыпал,
Он к соседу побежал,
Ко соседу ко Петру
Ко Тарасовичу.
15 Колотился под окном
Он толстѹм кулаком,
Всѹ о шинстонько:
«Разбудися, мой сосед,
Да Тарасович Пѹтр!
20 Еще щѹ у нас такѹ
Что удеялося,
Учинилося?
Там за Дедковой за пожней,
За сосновым наволочком,
25 За Кырой за рекой
Да там кошкою кунярка
С собакой горьчит,
Пищит, верещит,
Спредиковывает.
30 Там прежыто жывут,
Две скотины бьют».
Петрушка-то встаѹт,
Умываетця,

- Оболакаетця,
 35 Богу молитця.
 Он молитву творил
 Всё исусову.
 Собиралися ребята
 Во единую избу,
 40 Они садились вдрух
 По скамейкам в крух,
 Они думали, гадали,
 Советовали.
 Да Клементий Клим
 45 Не советлив был,
 Да он по полу ходил,
 Не по их речь говорил.
 Они били да бранили,
 Взяли прочь да прогонили.
 50 Как пошли наши ребята
 Хилина ловить.
 Петрушка ходит — слуша,
 Не хилин ли сидит,
 А Матюша ходит — тюкает,
 55 Хочет со́сну валить,
 А Чика ходит — чиркае,
 Хочит хилина стрелить.
 Стреліли хилина́
 Из большо́го изо ружья,
 60 Из оленного.
 Попало хилину́

620

- По задú да по перú
 Хилин стрепетался,
 Чика .....
- 65 Хилин выше поднялся
 На сосну на сушину.
 На самую вершину,
 Под ним сук не погодился,
 Хилин на землю свалился.

- 70 — Уж мы как будем, ребята,
Хилина делить?»
— «Да Петруше полтуши,
Матюше серы уши,
Харлану — ноги драны,
75 Борису ноги лисы».
Пришóл Лúчка,
Взял за крúлко, Бросил ó землю.
«Уж вы, глупые ребята,
80 Неразумны старики,
Вам на шё его делить,
Как нельзя его варить?
Мы повесим хилиночка
Ко Чикину гумёшку,
85 На проезжу на дорожку.
Кто не прóйде, не пронде,
Всяк про хилина вспомяне:
«Как теперя хилиночку
Не по сосенкам летать,
90 Как не нас же пугать».

ПРО МИХАЙЛУ

Поехал князь Михайло
На грозну́ службу велику.
Его конь подо ним подопнулся,

621

- Пухова шляпа свалилась,
5 Во́стрá са́бля сло́милась.
— «Видно, в доме несчастливо:
Родна маменька неможет,
Кнегина Катерина».
Его маменька родима
10 Она слу́х всех притомила,
Она ко́ней всех заморила,
Парну баёнку топила,
А лисье–угольё нажигала,
Лисье–угольё горичё,
15 Да звала она кнегину
Да кнегину Катерину
В парну баёнку помытыця.
Она кла́ла на утробу
Лисьн–угольё горячё,
20 Выжигала из утробы
Малобезымянного младеня,
Она кла́ла Катерину
В белодубову колоду,
Наводила на колоду
25 Трое обручей железных,
Отвозила она колоду
Во синё море Хвалынско.
Да приехал князь Михайло
Со грозной службы великой:
30 «Уж ты маменька родима,
Ещё где моя кнегина,
Да кнегина Катерина?».
— «Как твоя–то Катерина

Да кнегина Катерина
 35 Да во горнице во новой,
 Ой да во светлой во светлице».
 Ой да бросилса князь Михайло
 Во горницу во нову,
 Во светлую светлицу —
 40 Не нашол своей кнегины

622

Да кнегины Катерины.
 — «Уж ты маменька родима,
 Ещё где моя кнегина,
 Да кнегина Катерина?».
 45 — «Как твоя-то ведь кнегина
 Да кнегина Катерина
 Да во погребях глубоких».
 Да бросалса князь Михайло
 Да во погребы глубоки,
 50 Не нашол своей кнегины,
 Да кнегины Катерины.
 — «Уж ты маменька родима,
 Уж да где моя кнегина,
 Да кнегина Катерина?».
 55 — «Да твоя-то ведь кнегина
 Да кнегина Катерина
 У грозной службы великой,
 У заутрени-обедни».
 И собрался князь Михаилю
 60 Ко грозной службы великой
 Ко заутрени, к обедни.
 Да не нашол своей кнегины,
 Да кнегины Катерины.
 — «Уж ты маменька родима,
 65 Уж да где моя кнегина,
 Да кнегина Катерина?».
 Ему нянюшки сказали,
 Ему маленьки сказали:
 «Твоя маменька родима,

- 70 Она слух всех притомила,
Она коней заморила.
А парну баенку топила,
А лисье–уголья нажигала,
Позвала она кнегину
75 Да кнегину Катерину
В парну баенку помытыце.
Она клала на утробу
- Лисье–уголье гориче,
Выжигала из утробы
80 Малобезымянного младеня.
Она клала Катерину
В белодубову колоду,
Наводила на колоду
Трое обручей железных,
85 Опустила она колоду
На синё морё Хвалынско».
Да бросалса князь Михайло
На огоничек горечий.
Его нянюшки хватили,
90 Его маленьки держали.
Да бросалса князь Михайло
На три ножыка булатных.
Его нянюшки схватили,
Его маленьки держали.
95 Да бросалса князь Михайло
Во синё морё Хвалыньско.
Его нянюшки не схватили,
го маленьки не держали.
Его маменька родима
100 Крутым бережком ходила,
Слезно плакала–рыдала:
«Уж я тяжко согрешила,
Уж я три души погубила.
Перву душу безответну,

105 Втору душу безыменну,
Третью душу понапрасну».